

Серія II. № 3.

Петроградъ,
1914 г.

ИЗВѢСТІЯ

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи
въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и
этнографическомъ отношеніяхъ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ 1913 и 1914 гг. Отчеты Комитета за 1912 и 1913 г.г. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, 1913. — Отчетъ профессора Р. Готіо и И. И. Зарубина по командировкѣ на Памиръ лѣтомъ 1914 г. — Отчетъ о второмъ путешествіи къ уйгурамъ С. Е. Малова. — Вторая поѣздка въ Предбайкалье лѣтомъ 1913 года Б. Э. Петри. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ долины р. Абакана лѣтомъ 1913 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ Енисейской губ. лѣтомъ 1914 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ о поѣздкахъ къ тунгузамъ и ороченамъ Забайкальской области въ 1912 и 1913 г. г. С. М. и Е. Н. Широкогоровыхъ. — Отчетъ о поѣздкѣ къ бурятамъ Иркутской губерніи лѣтомъ 1913 года Б. В. Вампилуна. — Отчетъ о поѣздкѣ въ Якутскую область лѣтомъ 1911 года А. Н. Никифорова.

Série II. № 3.

Petrograd,
1914.

BULLETIN

publié par le

Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de
l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient,

sous le Haut Patronage de Sa Majesté l'Empereur.

Sommaire: Extraits des procès-verbaux pour 1913 et 1914. — Compte-rendu du Comité pour les années 1912 et 1913. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, en 1913. — Rapport sur la mission de MM. R. Gauthiot et J. Zarubin au Pamir, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. Malov sur son deuxième voyage au pays des uigurs. — Deuxième voyage de M. Petri en Cisbaïkalie, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques de la vallée de l'Abakan, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques des districts de Minusinsk et d'Ačinsk, gouv-t de l'Eniseï, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. et M-me Širokogorov sur leurs voyages chez les tungs et les oročons de la Transbaïkalie, en 1912 et 1913. — Rapport de M. Vampikou sur son voyage chez les buriats du gouv-t d'Irkutsk, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Nikiforov sur son voyage dans la région de Jakutsk, au cours de l'été 1911.

ИНСТИТУТА
ВЪСТАНОВЛЕНІЯ
Академіи Наукъ
СССР

Отчетъ профессора Р. Готіо и И. Зарубина по командировкѣ на Паторъ лѣтомъ 1914 г.

Несмотря на чрезвычайныя обстоятельства настоящаго времени, мы имѣемъ честь представить Комитету краткій отчетъ о ходѣ работъ и результатахъ лингвистической и этнографической экспедиціи, на насъ возложенной.

Выѣхавъ 3—16 іюня изъ Петербурга, мы покинули Ошъ 17—30 іюня, направившись къ Посту Памирскому. Двѣ недѣли, отдѣляющія эти двѣ даты, ушли цѣликомъ, исключая переѣздъ по желѣзной дорогѣ, на визиты, хлопоты и подготовку необходимыхъ матеріаловъ; все это пришлось устроить намъ самимъ — мнѣ и моему товарищу по путешествію Ив. Ив. Зарубину.

26 іюня (9 іюля) мы прибыли на Постъ Памирскій, гдѣ мы были приняты съ самымъ широкимъ гостепріимствомъ и гдѣ мы оставались до 30 іюня (13 іюля).

Въ дѣйствительности только здѣсь мы получили послѣднія и самыя существенныя указанія относительно нашего маршрута, средствъ передвиженія, которыми мы могли располагать, природы страны, гдѣ мы намѣревались работать и т. д. Въ зависимости отъ этихъ свѣдѣній мы распредѣлили нашъ багажъ, соотвѣтственно нашимъ планамъ и способамъ ихъ осуществленія.

Еще въ Петербургѣ мы опредѣлили планъ и цѣль нашего путешествія слѣдующимъ образомъ: систематическимъ и по возможности исчерпывающимъ образомъ работать надъ изученіемъ долины Мургоба-Бартанга (конечно, въ ея Иранской части), равно какъ и примыкающей части долины Пянджа (Рушанъ).

Программа было намѣчена и ограничена вполне точно; но она оказалась болѣе значительной и требующей для своего выполненія го-

раздо больше времени, чѣмъ мы думали, вслѣдствіе трудностей, которыя представляютъ какъ пути къ Бартангу, такъ и самое путешествіе по долині. Оказалось невозможнымъ пройти по теченію р. Мургаба, и мы направились къ селенію Ирхтъ на Серезскомъ озерѣ сначала по военной дорогѣ, соединяющей Постъ Памирскій съ Постомъ Хорогскимъ, а затѣмъ, повернувъ къ сѣверу, достигли Бартанга, пройдя долину Яшикъ-куль и ущелье Лянгаръ-сай. Начиная отъ Ирхта и до самаго Шуджана, вблизи Калаи-Вамаръ, намъ пришлось переносить весь нашъ багажъ на плечахъ носильщиковъ, вслѣдствіе отсутствія другихъ способовъ транспорта. Предупрежденные объ этомъ на Памирскомъ Посту, мы взяли съ собой только то, что намъ показалось совершенно необходимымъ для изученія Бартанга. Всѣ же остальные вещи мы отправили по военной дорогѣ на постъ Хорогскій, откуда мы должны были ихъ взять по прибытіи въ Рушанъ, въ началѣ изученія этой страны.

Достигнувъ 5 — 18 іюля Ирхта — начала интересующей насъ области — мы прошли въ теченіе 25 дней долину Бартанга, и 30 іюля (12 августа) мы были уже при впаденіи Бартанга въ Пянджъ, вступивъ такимъ образомъ въ Рушанъ — вторая часть нашей работы. Но 2—15 августа мы узнали на Посту Хорогскомъ, откуда мы должны были взять наши вещи, о разразившейся европейской войнѣ, и мы рѣшили немедленно вернуться въ Петербургъ по кратчайшей дорогѣ черезъ Калаи-Хумбъ и Скобелево, взявъ съ собой какъ всѣ наши пріобрѣтенія, такъ и остающіеся неиспользованными фотографическіе и фонографическіе матеріалы для возвращенія ихъ Комитету. Такъ какъ одинъ изъ насъ былъ запасный офицеръ, то мы не имѣли никакого другого исхода. На самомъ дѣлѣ наше путешествіе было сокращено извѣстіемъ о войнѣ значительно меньше, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда: въ дѣйствительности наше пребываніе въ Рушанѣ должно было бы быть оплачено не изъ средствъ экспедиціи, которыя оказались недостаточными, но изъ тѣхъ средствъ, которыя я и мой спутникъ могли бы ссудить экспедиціи. Излишне говорить, что эти средства были очень ограничены. Нашъ бюджетъ намъ пришлось свести съ дефицитомъ: при выѣздѣ изъ Петербурга у насъ было 3.000 рублей: 2.000 рублей, полученные отъ Комитета и 1.000 рублей, привезенные мной изъ Франціи; мы издержали 2.420 рублей на

путешествіе и сверхъ того 700 рублей пошли цѣликомъ на дорогу, багажъ и остановки въ пути отъ Петрограда до Оша и отъ Скобелева до Петрограда.

По этому поводу, мнѣ кажется, будетъ умѣстно высказать нѣсколько необходимыхъ соображеній. Обращаетъ на себя вниманіе несообразность издержекъ въ пути и во время самаго пребыванія въ странѣ. Страна, подобная долиנѣ Бартанга, требуетъ для путешествія по ней не только затраты большого времени и труда, но и сравнительно большихъ средствъ, если есть хотя малѣйшій багажъ. Мы уже упоминали о необходимости переносить вещи на плечахъ, а этотъ способъ транспорта относительно дорогъ. Къ тому же ни лингвисты, ни этнографы не могутъ прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, вынуждая услуги, которыя должны быть оплачены. Это было бы тяжелой ошибкой, потому что изслѣдователь ничего не сможетъ сдѣлать, если онъ не пользуется довѣріемъ и дружбой населенія, среди котораго онъ живетъ и работаетъ. По этой же причинѣ во время остановокъ приходится тратить довольно много на поддержаніе общенія съ населеніемъ: открытый столъ, постоянный чай и сахаръ, не говоря уже объ обязательныхъ подношеніяхъ, подаркахъ, лѣкарствахъ и т. д.

Отсюда уже вытекаетъ слѣдующее соображеніе: издержки экспедиціи въ горныя и трудно доступныя области Памира находятся въ соотвѣтствіи не столько съ числомъ командирруемыхъ лицъ, сколько со свойствомъ и задачами работы. Ибо багажъ и прочія личныя потребности путешественниковъ сводятся къ минимуму, указанныя же наиболѣе значительныя расходныя статьи остаются почти тѣми же, независимо отъ числа участниковъ.

Теперь переходимъ къ тому, каковы были работы и въ чемъ состоятъ главнѣйшіе результаты, полученные экспедиціей. Изъ послѣдующаго можно убѣдиться, что экспедиція была продуктивна.

Съ точки зрѣнія лингвистической добытые матеріалы относятся прежде всего къ поднарѣчіямъ области Орошора (Oróšor), т. е. иранскихъ селеній, расположенныхъ въ самой высокой части долины, и къ поднарѣчіямъ Бартанга, т. е. долины, извѣстной подъ этимъ именемъ, начиная отъ сел. Басидъ (Basit). Первые это тѣ, въ которыхъ: «я» was, «да» hē; вторыя, — гдѣ говорятъ аз и hā, какъ въ Рушанѣ. Первые не употребляютъ больше въ прошедшемъ времени косвенныхъ падежей

мѣстоименія («подлежащаго») (во вторыхъ это еще употребляется), и такимъ образомъ отличаются вполне отчетливо отъ сосѣднихъ съ ними діалектовъ Шугни. Эти діалектическія различія (съ нѣкоторыми другими меньшей важности) не препятствуютъ тому, что языкъ рассматриваемой области (Верхній Бартангъ, Бартангъ и Рушанъ, т. е. долина Пянджа отъ с. Хуфъ до оврынга Дархъ включительно) образуетъ особую группу противоположную, несмотря на многочисленныя сходныя явленія, группѣ діалектовъ Шугни, распространенной къ югу: отличительная черта—это употребленіе сонорнаго *ʔ*, наличность котораго въ діалектахъ Шугни установлена академикомъ Залеманомъ. вмѣсто *γuʔ* «ухо», *maʔ* «овца», *sʔraʔ* «вошь», какъ говорятъ въ шугнанскомъ ссл. Поршнефъ (Pogʔnif) (персид. *gūš*, *mīš*, *sʔruš*), въ Хуфѣ (Xūf) мы встрѣчаемъ *γou*, *mē*, *sʔrau*, въ Шипадѣ (Šipát) *γau*, *mēw*, *sʔrau*, въ Орошорѣ (Oróšor) *γū*, *mau*, *sərau*.

Такимъ образомъ звуку *ʔ* поднарѣчій южной группы соответствуетъ *w* въ сѣверной группѣ.

Въ долианѣ Язгулямъ, расположенной къ сѣверу отъ долины Бартанга мы находимъ то же явленіе, что въ долинѣ Верхняго Бартанга, Бартанга и Рушана: въ 1-омъ говорятъ: *γəvān*, *mau* и *srau*. Напротивъ, сарыкольскій языкъ (*sariqolī*) имѣетъ звукъ *l* (*γaul*, *maul*), и ишкашимскій на юго-западѣ церебральное *l*, напримѣръ *γōl*, *srəl*, что констатировано мною въ этомъ году, и плавность котораго того же происхожденія, какъ и въ словахъ *pələstāk* — «сидящій», ранѣе **nižist-āka* (сарык. *nalüst*—).

Кромѣ матеріаловъ относящихся къ нарѣчіямъ Бартанга и Рушана, я старался собрать какъ можно больше матеріала о языкахъ Памира и Гиндукуша, какъ видно изъ нѣкоторыхъ характерныхъ примѣровъ, приведенныхъ выше.

Что касается антропологическихъ и этнографическихъ работъ экспедиціи, то антропометрическія измѣренія были произведены въ области р. Бартанга. Въ Рушанѣ (по р. Пянджу) измѣренія не производились, вслѣдствіе кратковременности пребыванія и быстроты передвиженія экспедиціи. Добытые антропологическіе матеріалы подлежатъ еще дальнѣйшей разработкѣ.

Собираніе этнографическихъ коллекцій производилось экспедиціей по порученію Музея Антропологіи и Этнографіи Императорской Ака-

демія Наукъ по всему Бартангу и Рушану. Всего собрано около 230 №№, достаточно полно рисующихъ матеріальный бытъ горныхъ таджиковъ указанныхъ областей. Покупка предметовъ производилась, преимущественно, начиная отъ с. Басидъ и по всему Рушану. Въ Верхнемъ Бартангѣ, вслѣдствіе бѣдности и рѣдкости населенія, матеріальная культура выражена не такъ полно: многіе предметы вовсе не выдѣлываются, очень многіе привозятся съ низовьевъ рѣки и отъ киргизовъ.

Кромѣ указаннаго, произведенъ былъ рядъ наблюденій надъ брачными, родственными и наслѣдственными обычаями. Также изслѣдовалась и религіозная жизнь населенія, но съ особыми предосторожностями, въ виду его принадлежности къ одной изъ шіитскихъ сектъ (измаилитизмъ), отличающейся замкнутостью и недоступностью. Повсемѣстно производились фотографіи, иллюстрирующія, какъ бытъ населенія, такъ и его культуру.

Большая часть нашей работы была выполнена вмѣстѣ; многіе вопросы, касающіеся этнографіи и социологіи были предлагаемы и обсуждаемы въ сотрудничествѣ, причемъ каждый помогалъ своими знаніями теоретическими или практическими. Въ особенности очень много словъ, техническихъ терминовъ и важнѣйшихъ съ лингвистической точки зрѣнія выраженій были записываемы каждымъ изъ насъ отдѣльно и независимо; затѣмъ перечитывались, сравнивались и исправлялись въ случаѣ необходимости, такимъ образомъ, что мой спутникъ, для котораго фонетика вообще и въ особенности фонетика горныхъ иранскихъ нарѣчій была незнакома, ознакомился съ ней и путемъ постоянныхъ упражненій освоился съ распознаваніемъ звуковыхъ отбѣнокъ и фонетической записью. Ко времени нашего прибытія въ Рушанъ онъ былъ вполне въ состояніи фонетически записывать всѣ элементы языка, пригодные для лингвиста.

Таковы суть, изложенные въ самыхъ краткихъ чертахъ, результаты первой экспедиціи Комитета на Памиръ, составленной изъ лицъ, занимающихся специально лингвистикой и этнографіей. Хотя экспедиція была непродолжительна, она собрала не мало матеріаловъ и уже дала опредѣленные съ извѣстной точки зрѣнія результаты. Остается пожелать, чтобы полученный такимъ образомъ опытъ былъ использованъ въ будущемъ и чтобы болѣе продолжительное пребываніе въ

странѣ послѣ столь долгаго путешествія позволило спеціалистамъ вполне ознакомиться съ религіозной и общественной сторонами жизни, съ людьми и явленіями Памира, собрать больше матеріаловъ и достигнуть еще большихъ результатовъ во время новой экспедиціи.

Мы должны закончить этотъ краткій отчетъ, публично принося нашу глубокую благодарность всѣмъ офицерамъ Памира и вообще всей администраціи Туркестана, среди которой мы встрѣчали не только содѣйствіе, но самое искреннее радушіе и даже дружбу.

R. Gauthiot
Ив. Зарубинъ.

ИЗВѢСТІЯ

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи
въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и
этнографическомъ отношеніяхъ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ 1913 и 1914 гг. Отчеты Комитета за 1912 и 1913 г.г. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, 1913. — Отчетъ профессора Р. Готіо и И. И. Зарубина по командировкѣ на Памиръ лѣтомъ 1914 г. — Отчетъ о второмъ путешествіи къ уйгурамъ С. Е. Малова. — Вторая поѣзда въ Предбайкалье лѣтомъ 1913 года Б. Э. Петри. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ долины р. Абакана лѣтомъ 1913 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ Енисейской губ. лѣтомъ 1914 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ о поѣздкахъ къ тунгузамъ и ороченамъ Забайкальской области въ 1912 и 1913 г. г. С. М. и Е. Н. Широкогоровыхъ. — Отчетъ о поѣздкѣ къ бурятамъ Иркутской губерніи лѣтомъ 1913 года Б. В. Вампилуна. — Отчетъ о поѣздкѣ въ Якутскую область лѣтомъ 1911 года А. Н. Никифорова.

BULLETIN

publié par le

Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de
l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient,

sous le Haut Patronage de Sa Majesté l'Empereur.

Sommaire: Extraits des procès-verbaux pour 1913 et 1914. — Compte-rendu du Comité pour les années 1912 et 1913. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, en 1913. — Rapport sur la mission de MM. R. Gauthiot et J. Zarubin au Pamir, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. Malov sur son deuxième voyage au pays des uigurs. — Deuxième voyage de M. Petri en Cisbaïkalie, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques de la vallée de l'Abakan, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques des districts de Minusinsk et d'Ačinsk, gouv-t de l'Eniseï, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. et M-me Širokogorov sur leurs voyages chez les tungs et les oročons de la Transbaïkalie, en 1912 et 1913. — Rapport de M. Vampikou sur son voyage chez les buriats du gouv-t d'Irkutsk, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Nikiforov sur son voyage dans la région de Jakutsk, au cours de l'été 1911.

ИНСТИТУТА
ВЪСТАНОВЛЕНІЯ
Академіи Наукъ
СССР

Rapport sur la Mission de M. Robert Gauthiot,

au Pamir, en 1913 *).

La mission dont j'étais chargé par l'Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-lettres) et par le Comité pour l'étude de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient visait spécialement le Turkestan; son objet était linguistique d'abord, ethnographique en seconde ligne; enfin son but général était l'étude des dialectes iraniens des monts du Zerefsân et du Hissâr, son but spécial celle du yaghnoï.

J'ai eu comme compagnon de voyage M. Heinrich Junker, privat-dozent à l'Université de Giessen (Allemagne), qui s'est offert spontanément à faire le voyage avec moi. L'Académie de Heidelberg (Bade) lui a fourni les moyens nécessaires. Grâce à lui, presque tout ce qui a été noté au cours de notre petite expédition l'a été en double et de façon indépendante par chacun de nous. Notre accord presque absolu témoigne en faveur de notre exactitude.

Mon voyage s'est partagé en trois périodes inégales: la première et la dernière se sont passées à Samarkand, la seconde dans les montagnes et dans le Yaghnoï.

Mon premier séjour à Samarkand a été consacré à une étude sommaire du tâjiki, étude indispensable pour quiconque ne connaît que le fârsi, et à la préparation, assez longue pour un débutant de la petite caravane nécessaire. Il n'y a pas lieu d'y insister ici. Qu'il suffise de dire que beaucoup de petites fautes ont été commises par moi que je ne ferai plus maintenant: j'ai payé mon apprentissage.

Le voyage d'aller par la passe de Laudân et celui de retour par le Dukdân n'appellent pas d'observations. Le séjour au Yaghnoï importe seul. J'y suis allé ayant une connaissance déjà appréciable de la langue du pays dans son ensemble, grâce à l'extrême obligeance de

*) Cp. les rapports à l'Académie des Inscr., Comptes rendus 1914 pp. 552 — 3. 579 — 82.

M. Salemann qui avait bien voulu me communiquer les matériaux qu'il a groupés déjà et qui sont pour la plupart imprimés ou sous presse; en second lieu je venais d'étudier un certain nombre de textes sogdiens bouddhiques de la collection Pelliot à Paris et le sogdien de ces documents du moyen-âge représentent à *peu près* l'état ancien d'un parler très voisin du yaghnobi. Mon attention s'est porté tout naturellement sur la restitution de la forme que présentait le yaghnobi à une époque plus reculée. Ne savais-je pas qu'à St. Pétersbourg il y avait, déjà de bons ou d'excellents textes?

Bien entendu, j'en ai noté aussi et j'ai même essayé d'en rapporter quelques spécimens notés sur un phonographe que m'avait fourni la Maison Pathé sur la demande de M. Brunot, directeur des Archives de la parole à l'université de Paris. Mais avant tout, j'ai visité systématiquement tous les villages yaghnobi ou suspects d'être yaghnobis à un titre quelconque, de façon à reconnaître tout le domaine linguistique intéressé. En seconde ligne, j'ai, dans chaque village, recueilli au moins une série de mots identiques et caractéristiques, pour déterminer le parler de chaque groupe d'habitants par rapport aux autres.

J'ai interrogé partout des habitants d'âges différents et j'ai tenu compte avec soin des relations entre les villages soit par chemins, soit par pâtures: car les villages yaghnobis isolés ou groupes des oasis réunies par des chemins ou des alpages, si l'on peut dénommer ainsi les maigres pâturages du pays, sont séparés par des déserts et des hauteurs plus ou moins abruptes. J'ai pu déterminer ainsi l'existence de deux parlers extrêmes: un yaghnobi oriental de *Deh i bālān* à *Koöl* et un yaghnobi occidental de *Nāumitkān* à *Marxtumain*, ainsi que deux parlers intermédiaires. Ces dialectes se distinguent principalement, au point de vue phonétique, par le traitement de l'ancienne spirante dentale sourde — *ḡ* — (qui apparaît précisément là où elle est attestée en sogdien), celui du *ḡr* — initial, celui de l'*ē* dans *mēn*: *main* «village» par exemple. A ces divergences s'ajoutent celles dans le vocabulaire et d'autres caractères phonétiques. Bref, il est possible maintenant de dresser une carte dialectale du domaine yaghnobi.

Au point de vue ethnographique je noterai seulement ici que la communauté de civilisation entre les Yaghnobis et les Tadjiks montagnards est étroite et l'opposition au contraire très nette entre les gens

du Yaghnob et ceux du haut-pays de Buxârâ, c'est-à-dire des Pamirs. Ceci malgré que le pays ait appartenu à Buxârâ. Ce fait recouvre de façon très intéressante un autre phénomène, celui de la répartition des noms de lieux yaghnobis (ou similaires) nombreux au nord des monts Hissâr, absents au sud de cette même chaîne.

Mon second séjour à Samarkand, dont je n'ai pu que déplorer la brièveté, a été consacré à l'étude du parler des étrangers de langue iranienne qui viennent dans cette vieille ville. J'y ai pu faire avec profit de la phonétique afghane, cela va sans dire. Mais, j'ai pu de plus étudier le parler tâjikî de *Kulâb* et déterminer, sur un point au moins, la limite entre la prononciation de la spirante sonore intervocalique (*ð*) et celle de la sonore intervocalique occlusive (*d*). Enfin, j'ai pu découvrir un *Wâxî* de la zone afghane qui sépare le Pamir russe du Čitrâl anglais et l'interroger. L'intérêt de son parler est très grand et je déplore de n'avoir pas pu vivre davantage avec lui. Il savait fort mal le tâjikî et d'ailleurs c'est une règle absolue qu'il faut apprendre le plus vite possible de quoi prendre un contact direct avec les gens pour les interroger avec le plus grand profit et les moindres chances d'erreur. C'est ce que j'ai pu faire au Yaghnob après trois semaines environ.

Pour finir, je dirai, après beaucoup d'autres, sans doute, que j'ai reçu de la part de tous les officiers employés à administrer le Turkestan l'accueil le plus charmant et l'aide la plus efficace. J'ajouterai que j'ai pu voir la collection privée de poteries de l'homme que tous les indigènes de Samarkand révèrent, de M. Viatkin, et que j'y ai admiré des pièces qu'il est urgent de faire connaître au public savant par des photographies et descriptions précises et nettes. Enfin, j'ai admiré le beau et immense champ d'exploration et d'études qui s'offre à la Russie au Turkestan; sans méconnaître en rien les difficultés qu'il y a à trouver des hommes aptes à la fois au point de vue physique et au point de vue intellectuel à explorer ces régions de montagnes inégales, souvent très pauvres, parfois dangereuses, et à vivre avec ces musulmans divers et quelquefois peu communicatifs, il est permis d'espérer que la Russie saura satisfaire à une tâche qui s'impose et faire connaître au monde scientifique les richesses inconnues qu'elle possède.

Prof. Rob. Gauthiot.